

Предисловия “под маской”

© О. Г. ЛАЗАРЕСКУ,
кандидат филологических наук

Предисловие – традиционная и активно используемая авторами различных эпох литературная форма. В древнерусской литературе и литературе XVII – начала XVIII веков функционирование предисловий определялось задачами воспитания читателя, разъяснения ему тех целей, которые ставил в своем произведении автор. Общая дидактическая направленность этих предисловий определила их типовую форму [1, 2]. «Стереотип помогал читателю “узнавать” в произведении необходимое настроение, привычные мотивы, темы» [3].

Среди таких стереотипов, способствующих установлению контактов автора со своими читателями, важнейшими были рассуждения о пользе книг, краткий пересказ истории в интерпретации автора, моральное резюме, просьбы о милости и снисхождении со стороны читателя/зрителя, а также указания на художественные достоинства произведения, его “украшенность” – “исправность”. Так, в предисловии к пьесе “Гистория о Кире царе перском и царице Тамире скифской” после панегирической части (восхваления “храбрая подвиги прежде бывшия Тамиры, стершия главу злоненавидному крови человеческия Киру”, и хуления “злоненасытнаго и завистнаго врага” Кира) следует краткое описание событий, эмоционально подготавливающее зрителя/читателя к истории, “удивления достойной”, как ее характеризуют сами создатели спектакля: “Повествуют гисторики, яко Кир царь перски зело распалися завистию <...> Она побеждает мужа храбраго и силнаго, чего ради поистине удивления достойная сия гистория” [4. С. 580–581].

Финал всего предисловия обращен к “благоохотнейшим” зрителям, их милости и снисхождению к возможным недостаткам, “неисправлениям” спектакля: “мы, училищная юность, изобразующе феатром сим историю, усердно и уничижено просим вас, да еще, что не исправно или что не украшено от скудоумия нашего будет, вашим благоприятием исправить и рассуждением. Не тако бо трудами нашими, яко вашим зрением мнится действие наше украсити. Вас, господ,

просим вси: присудствия зде даровавши, благоприятнейшее зде зрети наше изложение” [4. С. 602].

Такие обращения были призваны установить эмоциональное и идейное единение автора произведения и его читателя/зрителя, сформулировать общезначимые ценности, основанные на универсальных, “повсюдных” законах человеческого бытия.

Однако со временем традиционные способы самопредставления менялись, подчас становились объектом пародийной рефлексии писателей. В литературе Нового времени предисловие нередко не только не давало читателям четких эмоциональных и смысловых ориентиров, но намеренно запутывало их, вводило в атмосферу необязательности, несерьезности, шутовства. Само объяснение автором своих намерений ощущалось как “лишнее” и требовало особых оговорок. В 1730 году В.К. Тредиаковский опубликовал роман “Езда в остров Любви” (перевод П. Тальмана), сопроводив его обращением “К читателю”, в котором с первых же строк будто бы извинялся за необходимость в прямом и открытом объяснении своих намерений: “Хотя ныне много искусных щитают предисловия при книгах за весьма непотребной придаток: Однако мне, доброжелательный читателю, ни по какой мере обоитися было невозможно, чтоб, дая новую Российскому свету сию книжку, не донести вам о том, что до оныя касается, и что вам ведать всячески надлежит” [5. С. 647]. Поэтическое приложение к “Езде в остров Любви” – “Стихи на разные случаи” – он также сопроводил “Известием к читателю”, в котором уже открыто предполагал свободу читательского выбора: “Ежели *охотливый читателю*, оныя вам покажутся, то обещаюсь и другими со временем вас увеселять; а буде не понравятся, то я во вся замолчу, и больше вам скучить не буду” [5. С. 734].

С наибольшей очевидностью отказ от дидактической задачи проявился в предисловиях от лица вымышленного автора/рассказчика/издателя. Такие предисловия несут в себе особую “точку зрения” на события, героев, окружающий мир, акцентируют те или иные ценности, “подчеркивают дистанцию между реальным автором и создаваемой им эстетической реальностью, нередко обнажают авторскую иронию и сарказм” [6]. Они располагают к иронической многозначности в понимании представляемой истории. Прямое авторское слово в них заменено словом “оговорочным”, “под маской” (М.М. Бахтин), представляющим одно из возможных видений и интерпретаций истории. Принципиальной становится установка на свободное восприятие и понимание текста.

В предисловиях от лица вымышленного автора “старые” формулы автопрезентации наполняются новым содержанием, чаще всего снижающим те высокие общезначимые ценности, к которым обращены традиционные предисловия. Так, М.Д. Чулков в сборнике “Пересмешник, или Славенские сказки” (1766–1768) вкладывает “предупреждение” в уста вымышленного собирателя историй – Русака, который

“низводит” предисловие к задаче предупреждения о том, что его книга – “безделица”, сам он – человек, умеющий очень хорошо лгать, хотя у него нет намерения обманывать читателя. Пользу книг связывает со стремлением насмешить и “научиться” писать. При этом не упускает случая “уколоть” авторов, которые пишут предисловия, дабы завоевать своего читателя, установить с ним эмоциональную и идейную солидарность. В одной из сказок, надев “колпак” одного из таких писателей, он замечает: “...это я рассуждаю как такой человек, который желает угодить свету, и ежели мне прикажут, то я в удобность моих знакомых сделаю предисловие к этой книге в двадцать четыре тома и этим докажу, что я на все согласен” [7].

В романе “Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины” (1770) Чулков использует прием прямого обращения к читателям, предпосылая основному тексту предисловие от Сочинителя и стихотворное “Предуведомление”. Писатель предваряет свой роман стилистически и образно противостоящими друг другу “мирами”: официально-панегирическим, соответствующим образу “его высокопревосходительства”, чьи “разум, добродетели и снисхождения” возвели его на “высокую степень”. И миром простого, но “разумеющего” человека (*чтеца, дельца, писца*), которого в стихотворном “Предуведомлении” Чулков называет “другом”, “любимым читателем”, понимающим шутку, иронию, способным непредвзято оценить предлагаемую историю. Сам образ читателя строится на скоморошьих ассоциациях:

Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее
И будешь видеть в ней искусство все мое [7].

Предисловие, как “оптический прибор”, фокусирует тематику и стиль самого художественного произведения. В своем предисловии Чулков противопоставил традиционному провозглашению общезначимых высоких истин утверждение о бренности, “ничтожности” своего творения: “Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и... сия... книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; итак, книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выйдет у всех из памяти. Человек родится на свет обзрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил” [7].

А обращение к читателю писатель перевел из сферы наставлений, разъяснений смысла и назначения своей книги в сферу приватности и дружества. Традиционные просьбы о милости и снисхождении к недо-

статкам представленной на суд читателя книги у Чулкова также построены на скоморошьях ассоциациях:

Погрешности мои все в оной находи,
Но только ты, мой друг, не строго их суди <...>
А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
Так, следовательно, могу и промах дать [7].

Традиция иронического, шутливого предисловия, или предисловия “под маской”, получила широкое распространение в русской литературе XVIII–XIX веков. Так, Карамзин в предисловии к “Наталье, боярской дочери” (1792) связывает написание книги с непреодолимым желанием “марать бумагу”, “взводить небылицы на живых и мертвых, испытывать терпение своих читателей и, наконец, подобно вечно-зевающему богу Морфею, низвергать их – на мягкие диваны и погружать в глубокий сон” [8. С. 199]. Необходимость же в написании предисловия, по признанию писателя, вызвана частным интересом – потребностью передать “восторг” рассказчика от встречи с прапрабабушкой, которая была мастерицей “сказывать сказки” и от которой тот услышал предлагаемую историю: “Так, я буду продолжать, буду ... Но прежде должно мне отдохнуть; восторг, в которой привело меня явление пра-прабабушки, утомил душевные мои силы. На несколько минут кладу перо – и сии написанные строки да будут вступлением или предисловием!” [8. С. 200–201].

Литература

1. Демин А.С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. (на пути к массовому адресату) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий (Русская старопечатная литература XVI – перв. четв. XVIII вв.). М., 1981. С. 14–16.
2. Елеонская А.С. Русские старопечатные предисловия и послесловия втор. пол. XVI – перв. пол. XVII вв. (патриотические и панегирические темы) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий (Русская старопечатная литература XVI – перв. четв. XVIII вв.). М., 1981. С. 71.
3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 71–72.
4. Ранняя русская драматургия (XVII – перв. пол. XVIII в.). Пьесы столичных и провинциальных театров перв. пол. XVIII в. М., 1975.
5. Сочинения Тредьяковского. Изд. Алекс. Смирдина. СПб., 1849. Т. 3.
6. Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 852.
7. Чулков М.Д. Пересмешник. М., 1987. С. 171–172, 262, 261, 263.
8. Карамзин Н.М. Мои безделки. Часть 1. М., 1797.